

Развитие ВИЭ в государствах-членах ЕАЭС в контексте глобального энергетического перехода: проблемы и перспективы

Научный руководитель – Жильцов Сергей Сергеевич

Мурашко Марина Михайловна

Аспирант

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

E-mail: marina_murashko@hotmail.com

Глобальное изменение климата стало системообразующим фактором мировой политики, а международные усилия, направленные на решение данной проблемы сопряжены с глубокой трансформацией энергетики и экономики. Природные аномалии, вызванные колебаниями температуры из-за техногенной деятельности человека, оказывают крайне негативное влияние на объекты промышленной инфраструктуры государств, создают социально-экономическое напряжение, а также порождают гуманитарные катастрофы как климатические миграции [1]. В этом контексте осмысление дальнейшего развития глобальной энергетики в новых реалиях, в том числе по причине распространения пандемии COVID-19 [2], становится особенно важной задачей для лиц, принимающих решения. Переход на новый энергетический уклад в широком смысле означает «изменение структуры первичного энергопотребления и постепенного перехода от существующей схемы энергообеспечения к новому состоянию энергетической системы» [3]. На современном этапе под «энергетическим переходом» предлагают понимать «комплекс инновационных мероприятий в процессе трансформации общества и как процесс, определяющий эволюцию энергетических систем, на базе значительного расширения применения возобновляемых источников энергии и соответствующего сокращения использования традиционного ископаемого топлива, прежде всего угля и нефти, при одновременном существенном росте энергоэффективности». Целью нынешнего энергоперехода является процесс декарбонизации энергетики, в ходе которого должно происходить существенное сокращение выбросов углекислого газа и осуществляться стабилизация глобальных эмиссий парниковых газов за счет постепенно перехода на возобновляемые источники энергии [4]. Таким образом, в качестве одной из ключевых характеристик энергетического перехода следует рассматривать потенциал государства разрабатывать и внедрять возобновляемые источники энергии [5]. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) представляет собой одно из самых энергообеспеченных пространств на планете. Энергетика является центральным звеном в интеграционном процессе как для Союза в целом, так и ключевой отраслью в экономиках стран ЕАЭС [6]. Это делает энергетический сектор ЕАЭС крайне уязвимым перед целями политики энергетического перехода, поскольку именно природное топливо составляет в нем основную долю [7]. В этой связи, чтобы оставаться конкурентоспособным игроком в глобальной политике, ЕАЭС должен направить дополнительные усилия на разработку собственной климатической стратегии, в которой уделено внимание ВИЭ, поскольку на современном этапе вопрос об их регулировании не закреплен в основополагающем документе «евразийской пятерки» – Договоре о ЕАЭС от 2015 года [8]. Государства-члены ЕАЭС единогласно признают риски глобального изменения климата для своих государств и предпринимают меры для их минимизации. При этом каждая сторона обладает различными «климатическими» озабоченностями, возможностями и приоритетами в сфере развития возобновляемых источников энергии [9]. Это создает определенные трудности для разработки единой экологически ориентированной энергетической политики ЕАЭС. Для анализа проблем,

связанных с развитием ВИЭ в пространстве ЕАЭС в контексте глобального энергоперехода используются основные постулаты теории неореализма и теории неолиберализма [10]. Концептуальные рамки каждой из теорий позволяют объяснить принципы реализации энергетической политики стран ЕАЭС в отношении ВИЭ. С точки зрения методологии были использованы, прежде всего, системный подход, контент-анализ и сравнительный метод. Теоретико-методологические рамки позволили сделать ряд выводов о перспективах развития возобновляемых источников энергии в ЕАЭС. С одной стороны, сложности для внедрения ВИЭ в энергетический сектор Союза связаны с отсутствием сформированной нормативно-правовой базы интеграционного объединения в сфере энергетики в целом. На данном этапе к полному завершению приблизился только процесс создания электроэнергетического рынка. С другой, из-за разных возможностей и приоритетов в развитии ВИЭ в национальных юрисдикциях, унификации требуют видения и методы управления стран ЕАЭС. В контексте этих и ряда других геополитических и экономических вызовов, среди которых «зеленая» политика Европейского союза – главного торгового партнера ЕАЭС – состояние энергетической безопасности ЕАЭС находится не на том уровне, чтобы занимать проактивную позицию в переходе на новый энергетический уклад.

Источники и литература

- 1) Прогноз развития энергетики мира и России 2019 / под ред. А.А. Макарова, Т.А. Митровой, В.А. Кулагина. Москва: ИНЭИ РАН–Московская школа управления СКОЛКОВО, 2019.
- 2) Телегина Е. А., Энергетический переход и постковидный мир // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021, 65 (6): (83) 79-85.
- 3) Smil, V. *Energy Transitions: History, Requirements, Prospects*. Santa Barbara: Praeger/ABC CLIO, 2010.
- 4) Мастепанов А., Основные движущие силы энергетического перехода и проблемы его достижения // *Проблемы постсоветского пространства*. 2021. 8(2):256-276.
- 5) Восканян Е. Новый этап четвертого энергетического перехода. Будущее энергетики. Спецвыпуск. – Режим доступа: <https://www.eprussia.ru/epr/374/9335671.htm>
- 6) Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России. Доклад НИУ ВШЭ. Москва, 2019.
- 7) Телегина Е., Халова Г. Перспективы энергетического сотрудничества ЕАЭС со странами Северо-Восточной Азии. *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. 61(4): 50-59.
- 8) Договор о Евразийском экономическом союзе.
- 9) Guliyev F. *Monitoring Energy Transitions in Eurasia (Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Ukraine): Analysis and Policy Implications*. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net>
- 10) Боровский Ю. Проблема энергетической безопасности в контексте мирового «энергетического перехода». *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения* 2021. 21(4): 772-784.